

ЛЕГЕНДАРНОЕ СКАЗАНИЕ О ССЫЛКЕ СЕМЬИ Ф. Н. РОМАНОВА В ЗАОНЕЖЬЕ В СОЛОВЕЦКОМ ХРОНОГРАФЕ XVII в.

Среди исторических преданий, посвященных истории Заонежского края, особое место занимают сказания, связанные с историческими лицами: Петром Первым (его путешествием на Соловки в 1702 г. и походом на Повенец по «осударевой дороге»), инокиней Марфой Ивановной, матерью Михаила Романова (заточенной в Толвуй в 1601 г.), и другими¹. Один из вариантов последнего сказания был недавно обнаружен мной в Хронографе Сергия Шелонина, выдающегося соловецкого книжника XVII в.² Время записи этого предания относится к дате создания самого Хронографа (около 1655 г.)³.

Рассказывается в нем следующее. Боярин Борис Годунов, восхитив престол кознями и лукавством, решил известить род Федора Никитича Романова – законного преемника царя Федора Иоанновича. самого Федора Никитича он велел постричь в монахи в Антониево-Сийском монастыре, а его 5-летнего сына с матерью сослать в «Заонежские погосты», в с. Толвуй, и там уморить голодом. От голодной смерти их спас священник местной церкви по имени Ермолай. В деревянном сосуде, в котором узникам приносили воду, он изготовил двойное дно, разделив его на две части. Наливая в верхнюю часть воду, он помещал в нижнюю еду, которую тайно передавал им с охранником Еремеем. Еды этой хватало только для малолетнего Михаила, для матери же его оставалось немного хлеба. Таким образом, – заканчивает свой рассказ Сергей Шелонин, – Господь сохранил «сбмя праведное», которое хотел погубить Борис Годунов (текст сказания публикуется в Приложении).

Однако эта история, рассказанная соловецким книжником XVII в., подтверждается документальными источниками лишь отчасти. Летописи и документы свидетельствуют о том, что Михаил Романов и его мать Ксения Ивановна были сосланы в 1601 г. в разные места: Ксения Ивановна (в монашестве инокиня Марфа) – в с. Толвуй на Онежское озеро, а ее малолетние дети (5-летний Михаил и 8-летняя Татьяна) – на Белоозеро. Об этом говорится в «Новом Летописце» (глава 71), созданном в окружении патриарха Филарета, причем об инокине Марфе сообщается, что ее действительно пытались уморить голодом: «Зятя же ихъ, князь Бориса Канбулатовича со княгинею и з дѣтьми, Федора Никитича дѣтей съ Михаиломъ Федоровичемъ съ сестрою, и тетку ихъ Настасью Никитишну, и Олександрову семью Никитича посла съ приставы на Бѣло озеро и посадиша ихъ въ тюрьму <...> Феодорову же семью Никитича Оксинью Ивановну посла въ Заонежские погосты, и посадиша еѣ в тюрьму и мориша з голоду...»⁴.

Достоверность сведений, сообщаемых в «Новом летописце», подтверждают и документы «Дела о ссылке Романовых» (хранящиеся в фонде «Розыскных дел» в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА)), опубликованные во 2-м томе «Актов исторических»⁵. Согласно им, в 1601–1602 гг. Михаил Романов находился в ссылке на Белоозере вместе с сестрой Татьяной и тремя тетками: Анастасией Никитичной, Ульяной Семеновной и Марфой Никитичной (последняя – с дочерью Ириной), а в сентябре 1602 г. был переведен вместе с ними в с. Клин в Юрьев-Польском уезде – в вотчину своего отца⁶.

Таким образом, историческая недостоверность рассказа Сергия Шелонина о ссылке инокини Марфы в Заонежье заключается, главным образом, в том, что он включил в его сюжет юного Михаила Романова. В остальном рассказанная им история имеет реальную основу, которая была детально исследована в работах олонецких краеведов конца XIX – начала XX вв. (И. И. Благовещенского, И. А. Машезерского, Н. С. Шайжина)⁷. Как свидетельствуют документы, опубликованные И. И. Благовещенским, во время пребывания инокини Марфы в Толвуйе там действительно служил священник Ермолай Герасимов, который тайно помогал опальной боярыне и передавал ей сведения о муже, заточенном в Антониево-Сийском монастыре⁸. После избрания Михаила

© О. В. Панченко, 2011

¹ См.: Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

² О Сергии Шелонине см.: Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. СПб., 2010. О созданном им Хронографе см.: Панченко О. В. Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 361–512.

³ Панченко О. В. Хронограф Сергия Шелонина. С. 369–370.

⁴ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. С. 54.

⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2: 1598–1613. С. 34–52. № 38.

⁶ Там же. С. 46–49. Обстоятельства ссылки семейства Романовых на Белоозеро рассмотрены в статье С. А. Уткина (см.: Уткин С. А. Белозерская ссылка бояр Романовых в 1601–1602 годах // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 68–80).

⁷ Обельные крестьяне и обельные вотчинники в Олонецкой губернии: Челмужские обельные вотчинники Клочаревы // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 5–9, 23–31 (документы опубликованы И. И. Благовещенским); Машезерский И. Родина преподобного Зосимы, соловецкого чудотворца // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 2. С. 25–28; Шайжин Н. С. Заонежская заточница // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск, 1912. С. 3–34.

⁸ См.: Обельные крестьяне и обельные вотчинники... С. 23.

Романова на царство юный государь, по просьбе своей матери, щедро вознаградил священника Ермолая, назначив его ключарем Архангельского собора Московского Кремля⁹. В 1614 г. он пожаловал ему в вотчинное владение царскую волостку в Челмужском погосте, включавшую 5 деревень и 11 пустошей, общей площадью более 10 тысяч десятин земли¹⁰. В жалованной грамоте, данной царем священнику Ермолаю в 1614 г., перечислены его заслуги перед царской семьей: «При Борисѣ Годуновѣ, при ево самохотной державѣ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша великая государыня старица инока Марфа Ивановна была сослана въ Новгородский уѣздъ, въ Обонежскую пятину, въ тотъ Егорьевский погостъ въ заточение, и тотъ поць Ермолай, памятуя Бога и свою душу и житие православнаго христианства, матери нашей великой государынѣ иноку Марфѣ Иоанновнѣ непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостью разума служилъ и прямиль и доброхотствовалъ во всемъ, и про отца нашего здоровье провѣдываль и матери нашей великой государынѣ старицѣ Марфѣ Иоанновнѣ обвѣщаль, и въ такихъ великихъ скорбѣхъ и въ напрасномъ заточении во всемъ помогалъ...»¹¹.

Но первым, кто обратился к исследованию этой темы, был поэт Ф. Н. Глинка, сочинивший поэму «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830 г.). В примечаниях к поэме он напечатал тексты 3-х жалованных грамот, данных жителям с. Толвуй за их службу инокине Марфе Ивановне во время ее ссылки: священнику Ермолаю Герасимову и крестьянам Гледзуновым и Тарутиным¹². Одна из указанных грамот – пожалованная крестьянам Тарутиным – была напечатана позднее П. М. Строевым в «Актах Археографической экспедиции» (1836 г.)¹³.

В рассказе, записанном Сергием Шелониным, очевидно, отразилось устное предание о ссылке в Толвуй матери царя Михаила Романова, бытовавшее в Заонежье в первой половине XVII в. Вероятно, оно было известно и на Соловках, поскольку у Соловецкого монастыря с Заонежьем существовали давние и прочные связи¹⁴. Ведь Толвуйская волость, согласно житию соловецких чудотворцев, была родиной игумена Зосимы¹⁵. В Выгозерском погосте у Соловецкого монастыря имелись владения, а в Андомской волости находилось монастырское подворье («дворик»), куда соловецкие старцы приезжали делать закупки¹⁶. Известно, что и Сергию Шелонину приходилось бывать на Онеге. В 1628–1629 гг. он покупал здесь красную рыбу для подношения ее покровителям монастыря в Москве, а на обратном пути – ливеничное дерево для изготовления бочек¹⁷.

О фольклорном происхождении этой легенды, дошедшей до нас в Хронографе середины XVII в., говорит и то, что подобные предания бытовали в Заонежье и через 200 лет после того, как была сделана эта запись. Одно из них записал в 60-е гг. XIX в. известный археограф и фольклорист Е. В. Барсов, другие приведены в книге Н. А. Криничной¹⁸. Приведем фрагмент записи, сделанной Е. В. Барсовым; сюжет и детали ее почти буквально совпадают со сказанием в соловецком Хронографе серередине XVII в.: «Царица Марфа Ивановна. Эта царица сослана была на Выг-озеро, в пределы Беломорские, в Чѣлмужу, в Георгиевский погост <...> А в этом Чѣлмужском погосте был поп Ермолай – и сделал он турик с двумя днами, поверх наливал в него молоко, а в середине между днами передавал письма и гостинцы, посланные из Москвы. Тын и остатки ее жилья видны были до последнего времени. Поп Ермолай с восшествием на престол Михаила Федоровича вызван был в Москву и определен к одному из Московских соборов, а роду его дана обельная грамота, которая и поныне цела и в этой грамоте пишется о радении попа Ермолая»¹⁹.

Как видим, история, записанная Е. В. Барсовым, бытовала в Заонежье на протяжении двух столетий, привлекая к себе внимание русских писателей и фольклористов XVII–XIX вв. Первым в их ряду был соловецкий книжник Сергей Шелонин, который записал в своем Хронографе наиболее ранний вариант этой легенды (и, добавим, сюжетно наиболее развитый). История создания этого сказания подтверждает наблюдение академика С. Ф. Платонова о развитии жанра повестей о Смутном времени: «В позднейших произведениях о Смуте,

⁹ Обельные крестьяне и обельные вотчинники... С. 5–9. От ключаря Ермолая Герасимова произошла фамилия Ключаревых.

¹⁰ Там же. С. 23–25.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² См.: Глинка Ф. Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение, в четырех частях. СПб., 1830. С. 102–112.

¹³ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 3. С. 68–69.

¹⁴ Впрочем, эту историю Сергей Шелонин мог услышать и в Москве из уст самого священника Ермолая, служившего до 1627 г. ключарем Архангельского собора, или его сына Исака Ключарева, подьячего в приказе Казанского дворца.

¹⁵ Отметим, что в одной из ранних редакций Жития Зосимы и Савватия Соловецких («Волоколамской») родиной преп. Зосимы названо с. Шуньга (см.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 56–57). О Волоколамской редакции Жития см.: Дмитриева Р. П. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 220–225; Минеева С. В. Рукописная традиция Жития прп. Зосимы и Савватия Соловецких, XVI–XVIII вв. М., 2001. Т. 1. С. 146–154; Бобров А. Г. К вопросу о литературном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 27–42.

¹⁶ О монастырском «дворике» в Андоме упоминается в описях Соловецкого монастыря 1632 и 1640 гг.: «Да в Новгородском уѣзде в Обонежье в волости Вандоме дворикъ монастырской: приезжают из монастыря старцы для покупок братских суконъ» (Архив Института истории РАН (Санкт-Петербург), coll. 2, д. 137, л. 192; д. 139, л. 198 об.).

¹⁷ Приходо-расходная книга Соловецкого монастыря 1626–1632 гг. (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 227, л. 223, 228 об.).

¹⁸ Барсов Е. В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 2. № 9. С. 411; Криничная Н. А. Предания Русского Севера. № 327, 330, 333–335.

¹⁹ Барсов Е. В. Северные народные сказания... С. 411; Криничная Н. А. Предания Русского Севера. № 330.

рядом с литературной переработкой ранних известий, развивалось и произвольное творчество, дополнявшее достоверные известия легендарно-поэтическими чертами».²⁰

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст публикуется по белой рукописи Хронографа Сергия Шелонина: Российская национальная библиотека, Соловецкое собр., № 18/18, л. 623 об.–624 об.

СКАЗАНИЕ О ССЫЛКЕ СЕМЬИ Ф. Н. РОМАНОВА В ЗАОНЕЖЬЕ В ХРОНОГРАФЕ СЕРГИЯ ШЕЛОНИНА

В лѣто 7106-го [1598] генваря въ 7 день угасе лампада страны Руския, помрачися денница облаки, померче утренний свѣтъ православия, государь царь и великий князь Федоръ Ивановичъ всеа Русии, приемлетъ нашествие облака смертнаго, облакъ темень и гроб покрываетъ любодаровитыя его очи, оставляетъ царство тлѣнное земное и отходитъ в небесное царство, вѣчное и пребывающее, в вѣчную жизнь. А былъ на государствѣ 13 лѣтъ и мѣсяць 7 и дней 10.

Отрасли же сродства своего не остави по себѣ, благословилъ же и приказалъ быти по себѣ на престолѣ прародителей своих и отца своего Московского государства руского скипетродержания братаниучу своему по матери боярину Феодору Никитичю Романову Юрьеву, племяннику родному благовѣрныя царицы Анастасии Романовны, матере своеа. Обаче же кознию лукаваго врага и предстательствомъ боярина Бориса Годунова, таковаго дара получить не сподобися, еще же и злострадательство злѣ пострада, о нем же впреди речено будетъ.

В лѣто 7107-го [1598] сентября въ 1 день по государѣ царѣ и великомъ князѣ Феодоре Ивановиче всеа Русии самодержцы приемлетъ скипетродержательство шуринъ его бояринъ Борис Феодоровичъ, той бо от сродства своего Годуновъ именовашеся, еже хитростройными пронырствы престолѣ царства великия державы Руския восхити и самодержецъ наречеса.

Возлюбилъ же клеветы и лжи, и сих ради царския природы вѣтвь сокрушити помысли, а от своего сѣмени воцарити на престолѣ Рускаго царствия. И изверже злый совѣтъ: осуждаетъ предиреченнаго боярина Феодора Никитича во оземствование в поморские страны и тамо его во иноческій образъ постричи повелѣ во обители преподобнаго отца Антония Сийского. Он же, таковыя бѣды со всякимъ благодарениемъ претерпѣвая, иноческаго образа одѣяние паче багрянницы возлюбилъ.

Сына же его, государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, с материю его повелѣ сослати в Заонѣжскіе погосты Вяжицкаго монастыря в вотчину в село Толвую, и тамо повелѣ мать его постричи во иноческій образъ и в темницы обоихъ гладомъ уморити. Но объемля въ коварствѣ премудрыя Богъ и от лукавства ихъ соблюдая сѣмя праведное своихъ рабъ невредно, попусти сицевымъ образомъ быти.

Священнику нѣкомуеи веси тоя, Ермолаю именемъ, нищелюбиву и страннолюбиву сушу, вложивъ в умъ питати ихъ сицевымъ страннымъ образомъ: водоносъ убо приимъ, имже тогда воду в темницу вношаху, и обрѣте древодѣля, на се послужити могущаго, повелѣ убо сосудъ преградити и устроити верху имуща воду, другую же под водою тщу. И, по совѣту со стражемъ Иеремиемъ именемъ, тамо полагаше на пищу имъ потребная по вся дни, никому же о семъ вѣдущу, токмо предреченному темничному стражу Иеремию. И сия убо пища в потребу довлѣше царю Михаилу Федоровичю, понеже злѣ юну ему сушу. Мати же его гладомъ и жаждою себе томѣше, понеже подаваше имъ по вся дни пища нужная, хлѣбъ и вода, и то поскуду, повелѣниемъ приставника, дабы скорѣе имъ смерть навести, исполняя повелѣнное ему от царя. О вышшереченныхъ же ничтоже ему вѣдущу, покры бо ему Богъ о сихъ очи невидѣниемъ; и аще бы о сихъ увѣдѣлъ, вскоре бы смерть навелъ презвитеру и темничному стражу, понеже сурову ему сушу и безчеловѣчну, люту же и немилостиву. И вода убо видимымъ образомъ в темницу вношашеся, пища же на составлении тѣлесемъ невидимо подавашеся.

Сие убо сохрани сѣмя праведное, якоже Иосифа Праведнаго во Египтѣ, всему иудейскому роду препитателя. Сие и сего Михаила – аще не бы сохранилъ Богъ сѣмя благочестия, російскому народу собрателя и самодержца, якоже искру в пепелѣ, яко Содому и Гомору уподобилися быхом. Но о сихъ убо послѣжде речется, нынѣ же настоящее да глаголется.

Такожде и братию Феодора Никитича и всѣхъ ближнихъ рода его по темницамъ разосла и томлении злѣлыми обложи, от нихъ же множайшии смертию скончашася и мученическими вѣнцы увязошася, и нетлѣниемъ не токмо тѣлесъ, но и облажащихъ одеждъ сподобишася, свѣдѣтельствующа явѣ, яко вмѣсто земныхъ восприяша небесная благая. Сие же все бысть во 109-мъ [1601] году.



²⁰ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 457.